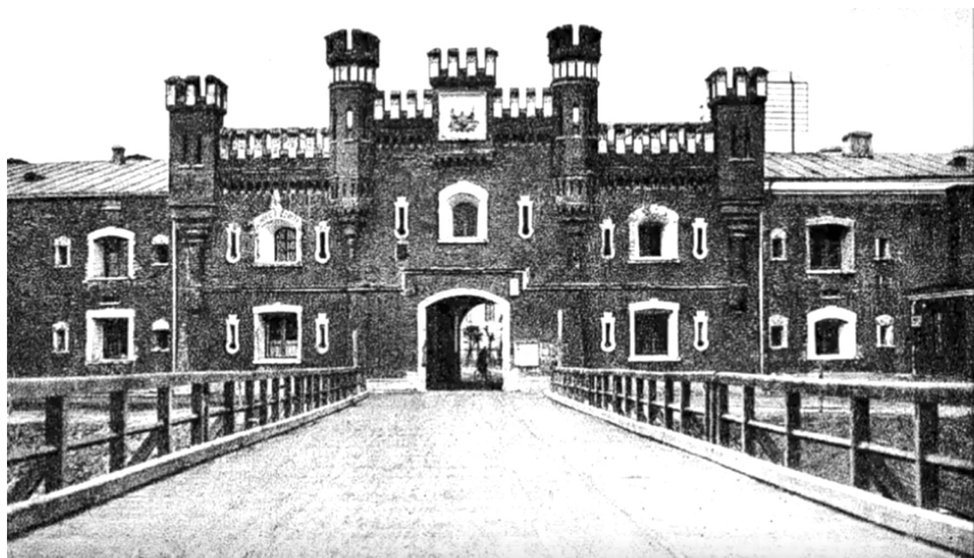
Иван Данилов

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ. ПРАВДА И МИФЫ

УДК 94:725.945(476.7-25)
ББК 63.3(4Беи)
Д18

Данилов, И. П.

Д18 Брестская крепость. Правда и мифы / Иван Данилов. – Минск, 2019. – 60 с.

Несмотря на всемирную в известность, в истории Брестской крепости до сих пор существует много «темных пятен». Книга «Брестская крепость. Правда и мифы» приоткрывает некоторые из них.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

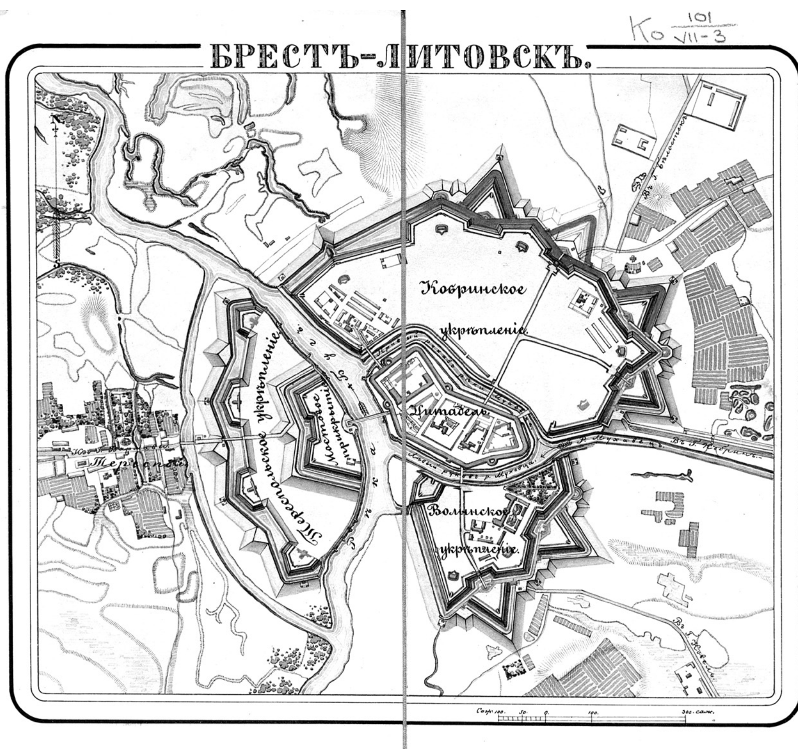
УДК 94:725.945(476.7-25)
ББК 63.3(4Беи)

История Брестской крепости

В 2019 г. жители Бреста отметили 1000-летний юбилей своего города. Впервые о Бресте упоминается в «Повести временных лет» в 1019 г. В течение многовековой истории Брест не раз становился предметом раздора между киевскими, туровскими, галицкими, волынскими, литовскими князьями и польскими королями. Земли Берестья много раз переходили из рук в руки и входили в состав разных государств. После третьего раздела Польши в 1795 г. (первый раздел – в 1792 г., второй – в 1793 г.) Брест-Литовск вошел в состав Российской империи. Возникла необходимость укрепления западных границ России, и было принято решение о строительстве девяти крепостей на западных рубежах. Одной из них была Брестская крепость (далее БК. – *Авт.*). Возводить крепость начали в месте слияния реки Западный Буг и реки Мухавец. Севернее Бреста в Западный Буг впадает река Лесная. Это был центр старого города, и его решили перенести на 2,5 км восточнее. И новый город начали строить на правом берегу реки Мухавец. В память о тех далеких событиях в городе на перекрестке улиц Гоголя и Ленина сохранился небольшой памятник высотой около одного метра, который обозначал границу между землями крепости и города.

Проект крепости выполнили военные инженеры генерал Опперман К. И., генерал Малецкий Н. М. и полковник Фельдман А. И. В октябре 1830 г. проект был утвержден императором Николаем I. Земляные работы начались в 1833 г. В течение трех лет проходили подготовительные работы по переносу старого города в новое место. Первый камень в основание крепости был заложен 01 июня 1836 г. В основание крепости была замурована закладная доска и шкатулка с монетами, и был отслужен церковный молебен.

Общее руководство строительством было возложено на начальника штаба Западного инженерного округа генерала Дена Ивана Ивановича (1786–1859). Высшее наблюдение осуществлял гене-

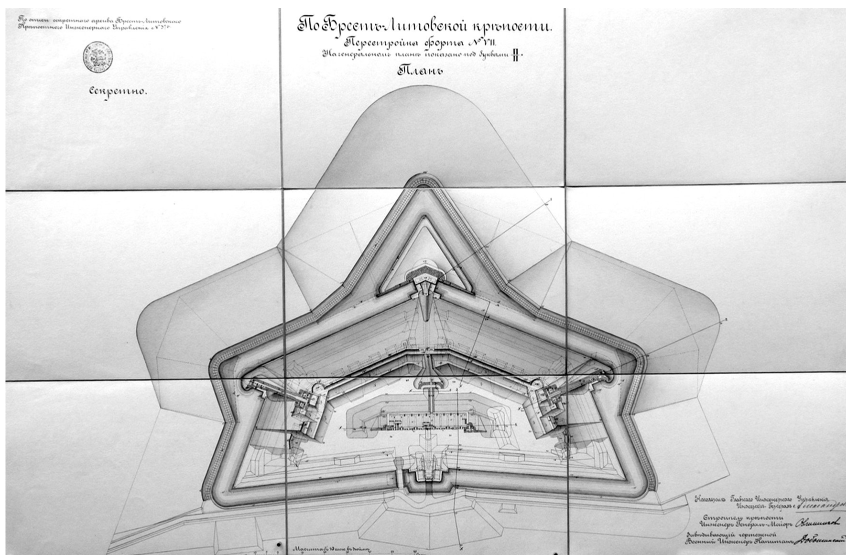
рал-фельдмаршал Паскевич И. Ф. Крепость строилась довольно высокими темпами. Учитывая, что при ее сооружении использовался ручной труд десятков тысяч рабочих и гужевой транспорт, был выполнен колоссальный объем земляных работ.

Открытие крепости состоялось 24.04.1842 г. С этого момента БК вступила в число действующих крепостей 1-го класса Российской империи. Крепость состояла из Цитадели и трех обширных укреплений: Тереспольского, Волынского и Кобринского. С внешней стороны, по границе укреплений, крепость окружена земляным валом высотой 10 м и протяженностью 6,4 км, внутри которого устроены многочисленные казематы. Вдоль земляного вала тянется глубокий обводной канал шириной 8 м, заполненный водой. Общая площадь крепости составляет 4 кв. км.

Самое крупное – Кобринское укрепление. Оно состояло из 4-х бастионных фортов с тремя равелинами и тремя казематированными редутами. С Цитаделью соединялось Брестскими и Белостокскими воротами и мостом через р. Мухавец. Волынское укрепление состояло из двух бастионных фортов с двумя равелинами и казематом в одном из бастионов. С Цитаделью соединялось Холмскими воротами и мостом через р. Западный Буг. Тереспольское укрепление строилось на левом берегу р. Западный Буг. Оно состояло из 4-х земляных люнетов, в двух из которых были казематы. С Цитаделью соединялось Тереспольскими воротами и канатным мостом через реку Западный Буг.

Цитадель представляет собой остров в месте слияния рек Мухавец и Западный Буг. При этом нужно отметить, что правый рукав реки Мухавец, омывающий остров, был прорыт вручную. По всему периметру острова была построена кольцевая двухэтажная казарма длиной 1800 м. Казарма состояла из 500 казематов, в которых можно было разместить до 12 тысяч военнослужащих с боеприпасами и продовольствием. Толщина наружных стен казармы составляла 2 м, внутренних – 1,5 м. По всему периметру на обоих этажах устроены амбразуры, позволяющие вести ружейный и пулеметный огонь. Цитадель соединялась с другими укреплениями, помимо указанных ворот, еще и Бригидскими воротами, перед которыми было 4 моста. За пределы крепости выводили пять ворот: Южные (Николаевские), Восточные (Михайловские), Северные (Александровские), Северо-Западные (Графский проезд) и Западные (Варшавский проезд). Эти ворота довольно узкие, предназначены для оборонительных целей, но затрудняющие при необходимости быструю эвакуацию из крепости личного состава и военной техники.

В 1851–1876 гг. в центре Цитадели была построена Свято-Николаевская церковь по проекту академика Российской академии художеств архитектора Д. И. Грима. Церковь возводили на средства офицеров гарнизона и духовенства. Так как крепость неоднократно

Чертеж из собраний Военно-исторического музея артиллерии, Санкт-Петербург, Россия

переходила из рук в руки, то церковь меняла назначение и свой архитектурный облик. В 1921 г. по Рижскому договору БК отошла к Польше, и церковь была перестроена под костел Святого Казимира. Крыша церкви стала островерхой, готической. В 1939 г. БК отошла к СССР, и новые хозяева устроили в костеле гарнизонный клуб, который просуществовал до 22 июня 1941 г. Во время обороны БК церковь была разрушена. Остались только стены и частично потолок. Двери и окна закрыли металлическими решетками, и так она простояла до 1994 г. В том же году церковь была передана верующим, и началось ее восстановление. В 2001 г. на колокольню церкви был поднят колокол весом в 1 тонну – дар от Белорусской железной дороги. В 2003 г., после посещения крепости президентом Украины Леонидом Кучмой, в церковь были доставлены 7 колоколов от правительства Украины. В настоящее время в церкви проводятся регулярные богослужения.

Реконструкция крепости. Ко второй половине XIX века Брестская крепость уже не соответствовала своему предназначению. Появилась нарезная артиллерия, которая значительно превосходила гладкостенную артиллерию по дальности и разрушительной силе. Поэтому, начиная с 1864 г., началась реконструкция БК по плану директора Главного инженерного управления генерал-адъютанта Тотлебена Э. И. По его плану крепость начали окружать фортами. Форт – это своего рода маленькая крепость с гарнизоном 200–250 человек и 20 орудиями. Форты строились на расстоянии 3–4 км друг от друга и на таком же расстоянии от внешней границы крепости.

Генерал-инженер
Эдуард Иванович Тотлебен
1818-1884

В 1870 г. была построена железная дорога Москва – Брест – Варшава. Земляная насыпь этой дороги была возведена перед Кобринским укреплением и закрывала сектор обстрела для укрепления. И поэтому в километре от БК был построен первый форт «Граф Берг», который прикрывал железную дорогу и мост через реку Западный Буг. К 1879 г. построили 9 фортов, и длина оборонительной линии увеличилась до 30 км. В 1909 г. приступили к разработке проекта усиления БК. В 1912 г. Комитет Генерального штаба утвердил проект модернизации БК. Вторая линия фортов строилась в 6–7 км от центра БК. В реконструкции БК принимали участие генерал-лейтенант Буйницкий Н. А., военные инженеры Карбышев Д. М., Белинский Н. О., Добошинский Б. Р. К концу 1914 г. было построено: 14 фортов, 21 промежуточный опорный пункт, 5 казарм, 7 пороховых погребов, 38 артиллерийских батарей. Руководил работами генерал от артиллерии Лайминг В. А. – комендант БК. Работы велись днем и ночью. В них участвовало около

70 тыс. человек и 8 000 подвод. К началу Первой мировой войны все работы были завершены.

Генеральный план Брестской крепости 1881 год

Карта крепости Брест-Литовск
с двумя обводами фортов, 1907 год

Для России Первая мировая война началась 19 июля 1914 г. в субботу в 19.00, когда германский посол граф Фридрих фон Пурталес вручил министру иностранных дел Сазонову ноту об объявлении войны. Война длилась 3 года и 7 месяцев (1290 дней). Русская армия потеряла около 8 млн человек. БК немцы заняли 13 августа 1915 г. без особых затруднений и значительных военных потерь. В честь ее захвата немцы отчеканили памятную медаль с изображением на аверсе медали генерал-фельдмаршала Маккензена, а на реверсе – немецкого солдата на фоне горящей крепости. Таким образом, уже

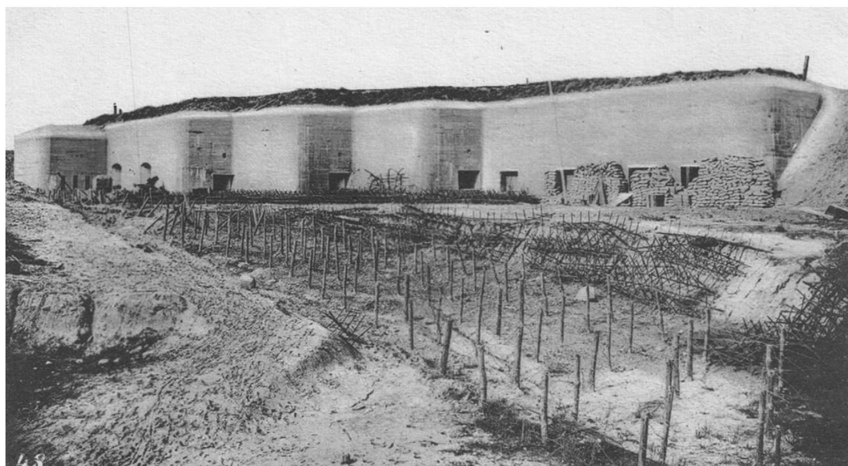
тогда Брестская крепость не оправдала возложенных на нее оборонительных задач. А ведь сколько было потрачено тогдашней Россией сил и средств на ее сооружение!!! И это при полунищенском существовании ее народа! Вспомним слова Александра Блока, участника Первой мировой войны: «Россия, нищая Россия. Мне избы серые твои…»

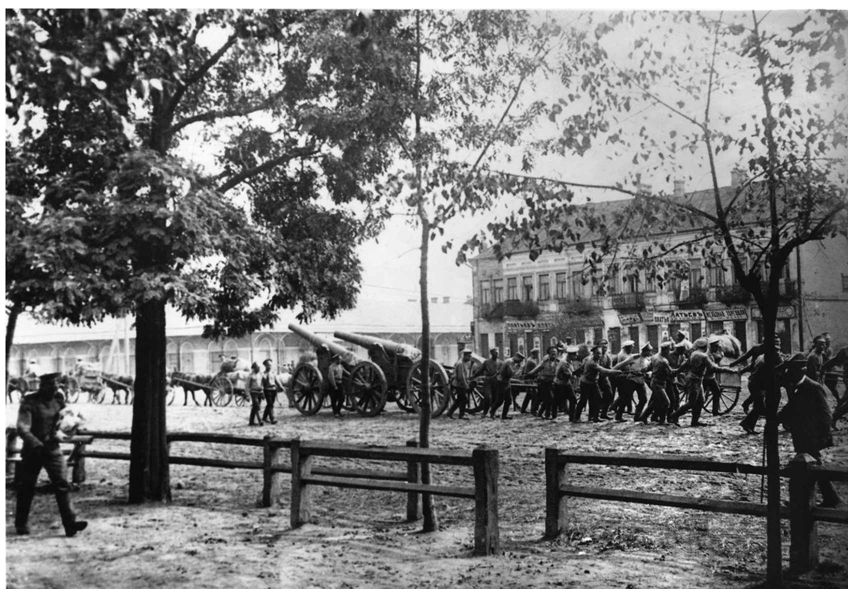
Из собраний Российского военно-исторического архива, 1915 год

Фото офицеров крепости, 1914 год

Вид крепости 100 лет назад

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, 1915 год

Крепость с 1915 по 1918 год

Окончание Первой мировой войны. В Бресте велись длительные переговоры, завершившиеся подписанием 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора. Россия выходила из войны и теряла 780 тыс. кв. км территории с населением 56 млн человек. 19 ноября 1918 г. договор бы аннулирован Советским правительством. 28 июня 1919 г. в Версале подписан известный Версальский договор, который завершал Первую мировую войну. В результате этой войны Российская, Германская и Австро-Венгерская империи перестали существовать как государственные формирования.

Советско-польская война. В ходе этой войны (1919–1920) БК несколько раз переходила из рук в руки, что еще раз подчеркивает незначительную роль подобных крепостей в современной войне.

18 марта 1921 г. был заключен Рижский договор, по которому нынешние Брестская и Гродненская области, а также западные районы Витебской и Минской областей отошли к Польше. Брест-Литовск (с 1923 г. – Брест над Бугом) стал центром Полесского воеводства. За пять лет войны крепостные сооружения были разрушены. Восстановительные работы силами польской армии продолжались также пять лет, после чего в БК расквартировались польские войска.

Начало Второй мировой войны. Не всем известно о том, что Сталин скрытно готовился к союзу с Гитлером задолго до подписания пакта Молотова – Риббентропа. Прологом к такому союзу служат факты:

1. В то время на территории Советского Союза, окруженные занавесом секретности, проходили военную подготовку офицеры вермахта (летчики, танкисты и др.).

2. В марте 1938 г. были распущены компартия Польши и ее филиалы КПЗБ и КПЗУ, которые наиболее активно боролись с фашизмом и разоблачали нацистскую сущность расовой теории Гитлера. Произошла величайшая трагедия. Руководители этих компартий и многие рядовые ее члены, фанатично преданные ложной теории марксизма-ленинизма, подверглись массовой ликвидации органами НКВД. Так, например, видный деятель КПЗБ Н. С. Орехво, находясь в Праге и участвуя в переправе польских добровольцев в интернациональные бригады во время войны в Испании, не знал, что его жену в это время расстреляли в Минске в тюрьме НКВД (см. его книгу «Дела и люди КПЗБ», 1983). Многие задаются вопросом: почему компартия Польши и ее филиалы КПЗБ и КПЗУ находились под подозрением у товарища Сталина? Это тем более странно, если учесть, что в обстановке несомненных успехов по созданию единого рабочего и антифашистского народного фронта, в условиях общего подъема революционного и национально-освободительного движения в Польше, Западной Беларуси и Западной Украины, накануне Второй мировой войны указанные партии были не только распу-

щены, но и подверглись жесточайшему террору. Ответ очень прост. Не подозрение было главной мотивацией физической расправы над политическими деятелями указанных компартий. Этой акцией коммунист-интернационалист товарищ Сталин расчищал путь к сближению с фашистом-нацистом господином Гитлером. Когда я в одной из своих книг поместил главу «Коммунизм и фашизм. Сходство и различие», то подвергся жесткой критике. А ведь на самом деле в идеологических выкладках этих режимов много общего. А само заключение пакта Молотова – Риббентропа было завершающим этапом преступных замыслов кремлевского диктатора.

Преступный замысел. Напрасно видные российские интеллигенты и ученые предупреждали большевиков, что осуществление их плана мировой революции обречено на провал. Тем не менее, после успешного октябрьского переворота в России в 1917 г. Ленин не отказался от этой идеи и предпринял попытку совершить революцию для начала в Европе. Уже тогда на знаменах, наступающей на Польшу Красной армии, были начертаны слова: «Даешь, даешь Варшаву!», «Даешь, даешь Берлин!» Но поражение этой армии под Варшавой в 1920 г. надолго остудило революционный пыл российских большевиков и посеяло в их рядах сомнение в правоте идеи мировой революции. Ленин, по воспоминаниям Клары Цеткин, находился в подавленном состоянии. В беседе с ней он признал несостоятельность своих замыслов и ожиданий. Война показала, что у рабочих и крестьян Польши интересы национальной свободы и независимости своей страны доминировали над интересами иллюзорной международной пролетарской солидарности.

Неудачный поход Красной армии в Европу стал для «Кремлевского мечтателя» большим потрясением. Рушилась система его взглядов и надежд на поддержку революции в России немецким пролетариатом. Неудивительно, что при обсуждении этой темы были заметны его переживания. Клара Цеткин пишет: «Я видела в нем во время нашей беседы мученические черты Распятого Хри-

ста». Так, по-женски, немецкая коммунистка оценивала душевное состояние «вождя мировой революции». Что ж, и Антихрист после инкарнации в человеческий образ не лишен способности на эмоциональные переживания.

Неизвестно, испытывал ли Сталин подобные переживания и сомнения в правоте идеи мировой революции? Ведь тогда, будучи главным комиссаром южного фронта наступающей Красной армии, он тоже испытал горечь ее поражения, когда в спешке бежал вместе с Буденным и Ворошиловым из-под Люблина. Но, как показали дальнейшие исторические события, план мирового господства коммунизма он продолжал вынашивать и ждал подходящего момента. И не только ждал, но и по возможности ускорял приближение такого момента. В Гитлере, потенциальном агрессоре, он усмотрел ускорителя распада мировой капиталистической системы. Не зря историк Виктор Суворов в своих книгах метко обозначил Гитлера «Ледоколом революции». Теперь читателю становится понятным, почему на территории СССР, в высших военно-технических училищах проходили подготовку офицерские кадры вермахта, почему задолго до подписания пакта Молотова – Риббентропа был заключен ряд торговых договоров, по которым Германия в достаточном количестве снабжалась нефтью, железной рудой, редкими металлами и другим сырьем, необходимым для наращивания ее военной мощи. Особенно много указанных товаров поставлялось в Германию после установления общей границы. Мне довелось быть свидетелем, как по нашему Днепро-Бугскому каналу бесконечным потоком плыли на запад баржи с железной рудой и пшеницей, а по железной дороге Гомель – Брест днем и ночью двигались поезда с нефтяными цистернами. Но не ошибся ли кремлевский диктатор в своих стратегических и политических замыслах, снабжая Германию таким большим количеством сырой нефти? Из советской и румынской нефти Гитлер в короткие сроки (при высоком уровне немецкой технологии) создал необходимые для ведения войны запасы бензина и

дизтоплива. Возможно, Сталин призадумался: не совершил ли он ошибку, подкармливая Гитлера стратегическими товарами, когда в 1940 г. танковые клинья вермахта быстро разгромили французскую армию и английский экспедиционный корпус. По свидетельству его ближайших соратников (Хрущева), он был весьма озадачен и мрачен, так как рассчитывал на затяжную (истощающую) войну Германии с указанными странами.

Но вернемся снова к пакту Молотова – Риббентропа, иначе – договору о ненападении между СССР и Германией. И зададимся, уважаемый читатель, вопросом: о каком ненападении (или нападении) могла быть речь 23 августа 1939 г., если эти страны на тот момент не имели общей границы? Их разделяло независимое государство – Польша, с которой и Германия, и Советский Союз заключили ранее подобные договоры о ненападении. Вот почему Сталин при подписании указанного пакта настоял на параллельном подписании дополнительного Секретного протокола по разделу сфер влияния (иначе – оккупации намеченных стран). Но Риббентроп перед отъездом в Москву получил от Гитлера указание: соглашаться на все условия, выдвигаемые «русскими», вплоть до их требования захватить черноморские проливы Босфор и Дарданеллы.

Перед тем, как привести текст Секретного протокола, опишу обстановку, которая царила в Кремле в ночь с 22 на 23 августа 1939 г., используя для этой цели ряд источников: книги Марка Солонина «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война» (2006), Андрея Буровского «Великая гражданская война 1939–1945» (2009) и других авторов, указанных в моей книге «Западная Беларусь. Пережитые режимы» (2014). Итак, после согласования всех процессуальных и политических вопросов, наступила торжественная минута, зачитывается Указ Верховного Совета СССР: **«Министр иностранных дел Германской империи И. Риббентроп награждается орденом Ленина за его личный вклад в дело развития дружеских отношений между Советским Союзом и Германией»**.

После радостных поздравлений награжденного и его благодарственных ответов Сталин тут же берет слово и предлагает выпить за здоровье вождя немецкого народа, Адольфа Гитлера, который своей мудрой политикой заботится о благе своего народа. У Риббентропа от радости светятся глаза, он с честью выполнил указание фюрера. Правда, «русские» не потребовали включить в сферу своего влияния проливы Босфор и Дарданеллы, что было бы на руку Германии, так как тогда бы разгорелся военный и политический конфликт между СССР и Турцией, а, возможно, и Англией. Тем не менее, вернувшись в Берлин, Риббентроп заявил, что в Кремле в ту ночь он чувствовал себя настолько хорошо, что ему казалось, будто он находился в кругу своих партийных товарищей.

Никто не сомневается в том, что указанный советско-германский договор (а точнее – сговор) являлся лишь ширмой, за которой прятался более важный для обеих сторон документ – **Секретный дополнительный протокол**. Существование такого протокола советское руководство длительное время скрывало. А Вячеслав Молотов, главный подписант протокола, даже на склоне лет отрицал его наличие. О нем частично заговорили в период перестройки. Привожу его содержание: «По случаю подписания Пакта о ненападении между Германией и СССР представители обеих сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве) северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих польскому государству, сферы влияния

Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих сторон сохранение польского государства, и о границах такого государства, будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий. В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружественного согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный Протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва. 23 августа 1939 г.

За правительство Германии – И. Риббентроп. За правительство СССР – В. Молотов».

Теперь мы видим, уважаемый читатель, насколько лживым является утверждение российских и некоторых белорусских историков, что «Советский Союз решительно осуждал агрессивные действия Германии», если сам готовился и осуществил подобную агрессию по отношению к своим соседям. Уже через неделю первой жертвой преступного сговора между фашистами и коммунистами стала Польша. Вот как это происходило. 1 сентября пехота и танковые клинья вермахта вторглись на территорию Польши. Польская армия, понеся большие потери, отступала на восток. Она не ожидала, что на востоке ей уже был предуготован предательский удар в спину со стороны Красной армии.

Ночью 17 сентября 1939 г. в Кремль был вызван посол Польши Вацлав Гжибовский. Его принял заместитель наркома иностранных дел Владимир Потёмкин. Он зачитал послу ноту, подписанную В. М. Молотовым: «Господин посол! Польско-Германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства.

В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные и культурные центры. Варшава, как столица государства, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестало существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей.

Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, были брошены на произвол судьбы и остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно советское правительство намерено принять меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность пользоваться мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел В. Молотов. 17.09.1930 г.»

«Польша никогда не перестанет существовать!» – ответил посол и отказался принять ноту. Потёмкин попытался отдать документ послу в руки, но посол бросил ее на стол и громко повторил: «Никогда!» Затем развернулся и вышел из кабинета. Когда он подъехал к своему посольству, его уже ожидал курьер наркомата иностранных дел СССР. Но и здесь ноту посол Польши не взял, и ее отправили по почте. А ведь договор о ненападении между СССР и Польшей в

1937 г. был пролонгирован до 1945 г. *(В ту же ночь в Кремль вызвали германского посла графа фон Шуленбурга. Его встречали Сталин, Молотов и Ворошилов. Встреча происходила в дружественной обстановке. Послу объявили, что Красная армия сегодня перейдет границу Польши на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска. Одновременно посла попросили, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток – Брест – Львов, что и было выполнено)*.

Теперь мы видим, уважаемый читатель, сколько было цинизма и фальши в этой злополучной ноте польскому послу. Особенно цинично звучит забота коммунистов о «единокровных белорусах и украинцах, проживающих доселе в восточной части Польши». Ведь всем известно, что в те, тридцатые годы прошлого столетия в Восточной Украине от рукотворного голодомора, сотворенного кремлевскими руководителями, погибло около 8 млн человек. А в Западной Украине, управляемой «неразумными польскими руководителями», никто не голодал. Я помню польские газеты тех лет, которые писали об указанном голодоморе. Я помню дискуссии на эту тему. Трудно было деревенским мужикам поверить в эту трагедию, чтобы на плодородной украинской земле люди умирали от голода. А как жилось людям в те годы в Восточной Беларуси? Очень подробно и красочно осветил эту тему наш писатель Василь Быков в книге «Доўгая дарога дадому», (2004): «У дзяцінстве я дужа адчуваў мамін настрой і звычайна адпаведна рэагаваў на яго. Я ніколі ня бачыў, каб мама плакала. А тут проста галосіць, бы па нябошчыку. Побач у куце, унурыўшыся, сядзіць бацька. Я падскочыў да маці і пытаюся: “Чаго ты?” А бацька кажа: “Не чапай яе – арганізаваўся калгас”. Ну, хай бы арганізоваўся, але чаму плача маці? Аказваецца, таму, што на золаку прыехала брыгада і выграбла ўсё з кублаў, зь мяхоў і засекаў. Во і кармі дзяцей! Дык маці і плача. Бацька маўчыць, што ён можа сказаць? Вось з тае пары і пачалося. Вядома ж,

як у калгасах было – голад, прыгонная праца, рэпрэсіі… Жалезнай хадой ішло раскулачваньне. Раскулачылі селяніна, у якога была карова зь цялушкай. Ва ўсіх па адной карове, а ў гэтага – зь цялушкай. Другога раскулачылі за тое, што ўлетку пляменьніца памагала жаць жыта. Значыць – наёмная сіла. І трэцяга – як сабатажніка. Не хацеў уступаць у калгас, упіраўся. Вывозілі сем'ямі».

А теперь укажу на некоторые важные, на мой взгляд, политические моменты, связанные с приходом Красой армии в Западную Беларусь и в Западную Украину. За неделю до выступления Красной армии, т. е. 10 сентября, у нас во дворе мужики чистили жерди, выпиливали гнезда для перекладин, но не сбивали, а сложили заготовку за сараем, завезли и собрали в сарае еловые ветки. Все было готово, но ставить ворота для торжественной встречи Красной армии было еще опасно, т. к. мимо нашей деревни на юг продолжали двигаться отдельные части польской армии и корпуса польской пограничной «стражи». С этой стражей шутки были плохи. Пограничники расстреливали на месте коммунистических активистов, пытавшихся еще до прихода советских войск разоружать отдельные небольшие группы отступающих солдат, но не пограничников. Их боялись и не пытались разоружать, т. к. всем было известно, как двое солдат пограничной стражи обнаружили в кустах у деревни Белин засаду коммунистов и многих поубивали. Если бы кто-то шепнул отступающим пограничникам, что готовятся ворота для встречи Красной армии, то моему отцу было бы несдобровать. Но все события прошли удачно, и 19 сентября мужики поставили ворота, украсили их еловыми ветками и цветами.

Первые части Красной армии подошли к деревне в обед 20 сентября, их встретить вышло все село. Какой-то комиссарский чин подошел к мужикам, пожал руки и со всеми расцеловался. Потом то же самое начали делать другие командиры. А по дороге, по которой накануне отступала польская армия, двигалась советская пехота и артиллерия. Пушки разного калибра тащили очень тощие замо-

ренные лошади. К хвосту каждой из них была прикреплена медной проволочкой фанерная дощечка с надписью: «Колхоз им. Сталина, Молотова, Шверника, Кагановича» и т. д. какого-то района. Все кинулись смотреть пушки, лошадей и читать эти странные дощечки. Мужики окружили какого-то командира и спросили: «Товарищ командир, а почему это у Красной армии такие худые лошади?» «А это не наши, – ответил он, – это колхозные». Мне тоже было интересно все это наблюдать и слушать ответ командира. Можете себе представить недоумение, озадаченность и растерянность крестьянина, который привык судить: какая лошадь – таков и хозяин. Двое мужиков – Лукашук Иван и Каплун Антон – подошли к моему отцу, который все еще пребывал в приподнятом настроении от торжественной встречи Красной армии, которую он ждал много лет, и от того радостного чувства, что он с честью выполнил задание коммунистической ячейки и заранее, с некоторым риском для себя, подготовил эту встречу. Они подошли и спросили: «Петро, ты видел этих коней, которые тащат пушки? Командир сказал, что их мобилизовали из колхозов для похода Красной армии в Западную Беларусь». Антон был моложе моего отца, читал польские газеты и другую литературу про сталинский террор, принудительную коллективизацию и голодомор в Украине. Поэтому вид заморенных колхозных лошадей, мобилизованных в Красную армию, подбодрил его слегка уколоть моего отца за его просоветские выступления в период польского правления. «Петро, так ты видел лошадей? – настаивал Антон, – даже в колхозе имени Сталина лошади худые!» Мужики считали, что где-где, а в колхозе, носящем имя Сталина, лошади должны быть образцовыми.

Тем временем войска двигались, один командир сменял другого, все они подходили к селянам, здоровались и поздравляли крестьян с освобождением от польского ига. Про колхозы были наслышаны все. Польская пресса подробно писала о нищей жизни советских колхозников. У моего отца в ответ на эти статьи всегда

было одно «веское» доказательство, что не могут быть бедными советские колхозы. «Вы же все были в беженцах в России, и видели, какие там земли и какие урожаи», – говорил он мужикам. И в самом деле, трудно было крестьянину представить себе голодную жизнь на хороших урожайных землях. Приход Красной армии внес некоторое смятение в умы моих односельчан и заставил переосмыслить многое, о чем писали польские газеты. Реальную колхозную жизнь они видели на примере этих тощих лошадей и узнали от простых красноармейцев, с которыми удалось поговорить.

Вид у красноармейцев был неприглядный. Особенно неприглядно смотрелись обмотки, которых, кажется, нет ни в одной армии мира. Среди солдат было много лиц старшего непризывного возраста, которых, как и тех колхозных лошадей, мобилизовали на время «освободительной» кампании. Они вели себя сдержанно, на вопросы отвечали вяло и говорили, что в колхозах они живут «хорошо». Во время остановок солдаты умудрялись заскочить в деревенские хаты, что-то купить из съестного, особенно охотились за салом и хлебом. Платили рублями или жульничали облигациями, в которых местное население не разбиралось. Часто их просто угощали и отрезали кусок хлеба и сала в дорогу. В деревне пошли разговоры и комментарии того, о чем рассказывали солдаты, забегая в дома. Наша соседка прибежала к моей маме и сказала, что она кормила солдата и спросила: правда ли, что в их колхозе женщины шьют себе юбки и другую одежду из мешков, как об этом писали поляки? И он сказал, что это правда и что в его и других колхозах люди постоянно голодают. А на второй день, когда мы с отцом пришли обедать, моя мать серьезно расстроила отца, рассказав, как она утром кормила солдата и он сказал следующее: «Вот вы нас встречаете с цветами, но вы еще нас узнаете». Я наблюдал за отцом и видел, как он переживал, ведь ломался взращенный годами миф не о каком-то коммунистическом «рае», над которым насмехались правые польские газеты, а миф о нормальном благополучии и социальной спра-

ведливости в СССР. Эти первые встречи с простыми советскими солдатами, мобилизованными из колхозных сел, подтвердили все, что когда-то читала вся деревня в небольшой книжке «Tajemnica starego Makara», которую мой отец считал «ловким польским вымыслом». *(Содержание этой книжки в русском переводе я поместил в своей книге «Записки западного белоруса» (2006))*. Особенно мужикам запомнились слова командира, который сказал, что «лошади не наши, а колхозные». Думал ли этот красный командир, какую емкую информацию он выразил этими словами? Было на чем задуматься будущему колхознику, который еще недавно распространял коммунистические листовки, осуждающие польских «угнетателей». Да он и сам уже успел поговорить с солдатом-колхозником, который поведал о бедственном положении крестьян в колхозах. «Все забирают в государство, почти ничего не оставляют людям и не разрешают покидать колхоз». Так запомнились мне эти яркие и во многом грустные дни первых встреч с Красной армией.

Дальнейшая жизнь подтвердила слова того солдата, который сказал: «Вы еще нас узнаете». С приходом советской власти на землях Западной Беларуси и Украины водворилось чекистское правление, которое работало против этой власти, компрометировало ее, и уже в 1940 г. всем стало очевидно, в том числе и моему отцу, что эта власть не народная. Все почувствовали, что реальная власть принадлежит не диктатуре рабочих и крестьян, а диктатуре НКВД, основанной на терроре. Массовые аресты начались уже через месяц после прихода Красной армии. Когда я из Пинска приезжал домой, то в деревне только и говорили, кого арестовали и вывезли и кто может оказаться следующей жертвой НКВД.

И еще. Крестьян обложили неслыханными ранее большими налогами и трудовой повинностью по вывозке леса и строительству аэродромов и шлюзов на Днепро-Бугском канале. Приведу перечень советских налогов, которые именовались поставками: зерно, мясо, молоко, яйца, шерсть. Кроме поставок, которые определялись

количеством земли, был еще денежный налог на недвижимость, сад, улья, лошадь и другую живность. Эти налоги, как и указанный выше террор, серьезно подрывали авторитет советской власти, и односельчане часто упрекали моего отца за его прежние слова, что «с приходом советской власти мы избавимся от польского ига». «Из польского ига мы попали в советское ярмо, которое нас окончательно задушит», – жаловались мужики моему отцу.

Парад «победителей» в Бресте. В. Бешанов в своей книге «Шапками закидаем» (2010) пишет: *«Ощущение от тайных протоколов, как будто во что-то вляпались. И запах неприятный остался, он до сих пор отравляет атмосферу отношений России с некоторыми из соседей»*. Известно, что Гитлер был немало удивлен (и озадачен) в сентябре 1939 г. медлительностью Сталина, связанной со вступлением Красной армии в войну против Польши. Возможно, кремлевский диктатор ждал, что последуют ответные активные действия французской и английской армий против агрессора, и боялся быть втянутым в большую войну, как явный союзник Гитлера. Не зря же существование тайного протокола о разделе сфер интересов между Третьим рейхом и СССР советскими политиками, историками и дипломатами отрицалось категорически, с пеной у рта. А пенсионер союзного значения тов. Молотов и на склоне лет своей жизни отрицал наличие тайного сговора двух агрессоров против Польши, стран Прибалтики и Финляндии. А тем временем особой активности со стороны англо-французских воск на западе не последовало, и вермахт, преследуя отступающую польскую армию, приблизился ко Львову и захватил Брест и Кобрин. И тут Сталин всполошился. 18 сентября в беседе с Шуленбургом он заявил, что у советской стороны есть сомнение: отведет ли германское командование войска за линию, которая была определена в Москве, захотят ли немецкие генералы возвращать захваченные территории? Посол заверил, что Германия намерена твердо выполнять московские соглашения. Мне известно, что были небольшие стычки между пе-

редовыми подразделениями вермахта и Красной армии. Немецкие генералы неохотно возвращали Красной армии захваченные ими территории и, возможно, хотели «прощупать» мощь армии будущего противника, решительность и умение советского командования. Такая возможность им вскоре представилась в лесах и болотах Финляндии, в которых Красная армия неуклюже барахталась, неся огромные потери в живой силе и технике под ударами небольшой, но маневренной финской армии.

А пока партийная газета «Правда» опубликовала совместное коммюнике: «Во избежание всякого рода слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей в разрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования». Читатель заметил, сколько цинизма и

лжи выплеснула на публику эта газета – орган ЦК ВКП(б). Заодно «Правда» поведала о том, как «германское население единодушно приветствует решение советского правительства, радуется за белорусов и украинцев и оживленно обсуждает успешные операции Красной армии, отмечая флажками на картах ее продвижение». Как они (кремлевские вожди) тогда глубоко заблуждались! Не пройдет и двух лет, как то же германское население будет «оживленно обсуждать и аккуратно на картах отмечать флажками» еще более успешное продвижение немецких войск по территории Советского Союза, которые, как известно, в короткий срок докатились до Москвы, берегов Волги и предгорий Кавказа.

Но вернемся к теме парадов советских и немецких войск в Пинске и Бресте. Для нас представляет интерес воспоминания генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина о его встрече с генералом Гудерианом, с которым он стоял на трибуне во время позорного парада в Бресте. В его воспоминаниях много всякой небылицы. Например, о том, что его вместе с комиссаром немецкие офицеры сфотографировали в походной ленинской комнате на фоне антифашистских плакатов. В сентябре 1939 г. таких плакатов в принципе не могло быть. Наоборот, я видел плакаты, клеймившие на все лады «буржуазную Польшу и ее англо-французских союзников, а многочисленные советские агитаторы на митингах и собраниях взахлёб твердили нам, что «немцы наши друзья и братья по оружию». Возможно, генерал боялся сталинского гнева из-за какого-нибудь промаха при встрече с Гудерианом и его офицерами. Хотя, несмотря на патологическую подозрительность, Сталин вряд ли мог допустить мысль о возможном тайном сговоре еврея Кривошеина и нациста Гудериана.

Далее генерал Кривошеин лукавит, когда представляет себя пассивной стороной при подготовке парада. Инициатива о совместных торжествах «победителей» исходила как раз от советского командования, а точнее – от самого Сталина. Так ему не терпелось унизить этой акцией польский народ и отомстить за свое поражение под Варшавой в 1920 г. Кривошеин в своих мемуарах не вспоминает о том, что такой же парад состоялся и в далеком от демаркационной линии Пинске. А в этом городе зачем понадобилось советам совместный парад «братьев по оружию»? Я хорошо запомнил «победную» эйфорию и антипольскую риторику советских комиссаров на митингах и собраниях того времени и ответное возмущение польской молодежи, которое она выражала открыто.

Солнечным днем 22 сентября в 16.00 по московскому времени на улице Люблинской унии состоялся этот злополучный парад. Перед зданием бывшего воеводства были установлены импровизированные трибуны, украшенные немецкими и советскими флагами.

Мимо этих трибун, на которых в окружении штабных офицеров стояли рядом генерал Гудериан и комбриг Кривошеин, под звуки оркестра сначала промаршировали немецкие, а затем советские подразделения. Вот как об этом параде вспоминает житель Бреста Станислав Мирецкий: «Когда маршировали немцы, оркестр играл незнакомый мне марш. Затем в небе появились немецкие самолеты. Красноармейцы шли вслед за немцами. Они совершенно на них не были похожи: шли тише и не печатали шаг коваными сапогами, так как были обуты в брезентовые ботинки. Ремни у них были также брезентовые, не кожаные, как у немцев. Кони, тянувшие советские орудия, были малорослы и неприглядны, упряжь у них была лишь бы какая. За советской артиллерией ехали гусеничные трактора, которые тянули орудия более крупного калибра, а за ними двигались танки. Танков было только три. На среднем танке развевался флаг СССР. Около бульвара Т. Костюшко один из танков внезапно затормозил, ударился в бордюр и перевернулся набок. С большим трудом, при помощи лебедок и пожарных машин, танк был поставлен на проезжую часть, и парад продолжился». Можно себе представить настроение комбрига Кривошеина, глядевшего с трибуны на эту, неприятную для него, сцену. А мои школьные друзья, побывавшие на этом параде, рассказывали мне, что немецкие офицеры, глядя на завалившийся танк, улыбались и бесконечно щелкали фотоаппаратами.

А вот воспоминания другого жителя Бреста – С. Н. Синкевича, представителя русского «угнетенного» меньшинства, окончившего, кстати, русскую гимназию: «На Шоссейной улице показались первые советские танки. С чувством величайшего любопытства и совершенно ошеломленный, я побежал смотреть. Ведь это наши, русские! На небольших грузовых машинах типа «ГАЗ» сидели солдаты в странных остроконечных шлемах. Поверх грузовиков были положены сосновые доски, служащие сиденьем для бойцов, как тогда называли солдат. Лица у них были серые, небритые, шине-

ли и короткие ватные куртки как будто с чужого плеча, голенища сапог были сделаны из материала вроде брезента. Я подошел к одной из машин и попробовал поговорить с солдатами. Однако все, находящиеся там, молчали и смотрели в сторону. Наконец один из них в форменной фуражке со звездой на рукаве заявил, что партия и правительство по просьбе местного населения прислала Красную армию, чтобы освободить нас от гнета польских панов и капиталистов. Я был очень удивлен убогим видом и какой-то странной необщительностью моих соплеменников… Однажды в наш дом постучал капитан по фамилии Буйневич, простой и довольно милый человек, который был очень поражен, увидев у нас швейную машину, электрический утюг и прочее».

Примечание. Жители Бреста и других городов и сел, куда вступили немцы, а потом советы, были удивлены и омрачены контрастом достатка одних и бедностью других. Выше нами было указано о том, какое разочарование наступило у жителей моей деревни, когда они увидели бедно одетых и истощенных красноармейцев и таких же заморенных коней, тащивших орудия. И только те из солдат, которые сумели оторваться от колонны и забежать в дом за куском хлеба и сала, откровенно говорили о колхозной нищете, голодухе и массовых арестах в стране советов. Было над чем задуматься активистам КПЗБ, к которым принадлежал и мой отец после встречи таких «освободителей». Много написано аналитических статей о том, как советские коммунисты довели огромную, богатейшую страну до полунищенского состояния. И Советский Союз и фашистская Германия – два тоталитарных государства – имели сходную политическую однопартийную систему с концлагерями и подавлением инакомыслия. Но как по-разному сложилось экономическое устройство этих стран. Советские и постсоветские историки не любят вспоминать о том, как по недомыслию кремлевских вождей военные поставки из СССР в Третий рейх помогли преодолеть Германии внешнюю зависимость ее от сырья и продовольствия.

Никто не собрал столько фактического материала об «освободительном» походе Красной армии на земли Западной Беларуси и Украины, как В. В. Бешанов, под каждым словом его записей я, как очевидец тех событий, готов подписаться. Вот еще одна картина встречи «освободителей»: красноармейцы (как и их боевые скакуны) произвели негативное впечатление на местное население. Советские солдаты много спрашивали, интересовались «жизнью под польским гнетом». Были немало удивлены, так как ожидали увидеть нечто худшее. Ведь им внушали, что в Западной Беларуси голод. Вот тут-то и произошло т. н. «размагничивание бойцов и командиров Красной армии», по известному выражению товарища Мехлиса, – начальника Главпура РККА. Ведь никакие вербальные способности его политкомиссаров, поднаторенных на советской лжи, не смогли противостоять очевидным фактам. Даже многие активисты КПЗБ после встречи с Красной армией стали говаривать, что «полякам следовало бы не заключать нас за провинности в Картуз-Березу, а посылать на перевоспитание в СССР». В этот коммунистический «рай» и без того уходило много обманутых Коминтерном западных белорусов и украинцев, но мало кому из них удалось вырваться из когтей ГПУ-НКВД.

Начало трагедии. В сентябре 1939 г. между СССР и Германией установилась общая граница протяженностью более 1500 км – от Балтийского до Черного морей. Товарищ Сталин давно мечтал о такой границе. Он хотел за свою сознательную жизнь реализовать планы своего учителя и решил, что настало время открыть западную границу, чтобы столкнуться с фашизмом, победить его и проложить себе путь в Европу. Поражение Красной армии под Варшавой в 1920 г. и крушение планов мировой революции его учителя не пошли впрок кремлевскому диктатору. На обширной территории России он построил государство нищеты и рабства, покрытое сетью концлагерей, которое стало угрожать всему миру экспансией

коммунизма советского образца. *(Тут уместно напомнить, что К. Маркс в одном из своих сочинений предупреждал, что нельзя ускоренным методом построить социализм в такой отсталой стране, как Россия, и что саму идею коммунизма могут извратить русские большевики. Что и произошло)*. «Разрушительную миссию этого государства увидели многие российские интеллигенты: Владимир Короленко и Иван Бунин, Иван Павлов и Владимир Вернадский, Николай Бердяев и многие другие», – пишет Александр Яковлев в своей книге «Сумерки» (2005). Но было уже поздно. Приведу пророческие слова известного физиолога, нобелевского лауреата, академика Ивана Петровича Павлова, которые он изложил в своем письме в Совнарком СССР 21 декабря 1934 г.: *«Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших революций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались Вы, – террор и насилие. Но мне тяжело не от того, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а от того, что делается у нас, и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей Родине»*. Ай да академик Павлов, труды которого об условных и безусловных рефлексах, объясняющие многие физиологические и патологические процессы в организме человека, мы изучали от первого до последнего курса медицинского института! Нам тогда и в голову не приходило, что этот великий ученый еще и умнейший политический прозорливец. Будет ли когда-нибудь опубликовано это бессмертное письмо академика Павлова и помещено в исторических музеях России и Беларуси? Я лично убежден, что такое время – время исторической правды – наступит. Уверенности такой надежде придают последние собы-

тия в Украине, которая успешно освобождается от большевистской скверны и лжи о событиях прошедшей войны.

А теперь попытаемся ответить на важный и довольно щекотливый вопрос: кто же все-таки развязал Вторую мировую войну, а, следовательно, и Великую Отечественную? И почему ангажированные российские и белорусские историки и политики, а следом за ними и музейные работники, так фрагментарно оценивают указанные события, выделяя на первое место следствие (ВОВ), а не причину?

Идея мировой революции и Вторая мировая война. Еще Троцкий писал: «Всю нашу надежду мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию». От этой бредовой идеи своих наставников – Ленина и Троцкого – использовать Россию в качестве факела мировой революции Сталин и его комиссары, как уже указано выше, не отказались. Отметим только, что политическая обстановка в 30-е гг. прошлого столетия была насыщена пропагандой мировой революции и скорой кончиной капиталистического строя, обреченного, согласно учению Маркса – Ленина – Сталина, на неизбежную гибель. Вся довоенная пресса Советского Союза и мощная машина агитпропа были проникнуты этой идеей. Не по этой ли причине кремлевские вожди (они оказались политическими недоумками), сами того не предполагая, приближали страну к катастрофе в результате ускорения ими событий к развязыванию Второй мировой войны? Академик Павлов разгадал преступный замысел кремлевской камарильи, когда писал: *«Вы сеете по всему культурному миру не революцию, а фашизм»*. И за пять лет до подписания пакта Молотова – Риббентропа и не менее преступного секретного Протокола по разделу сфер влияния предупреждал кремлевских безумцев, что их надежды на мировую революцию тщетны, а политические действия ошибочны, так как они *«грозят серьезной опасностью моей Родине»*, – заключил тогда свое письмо И. П. Павлов. Эти слова академика оказались пророческими. Можно только удивляться мужеством и житейской мудростью этого великого уче-

ного, который в 1934 г., в разгар начавшегося сталинского террора осмелился написать подобное письмо. Но, к сожалению, никто из кремлевских стратегов не внял этим мудрым словам академика.

Заключив пакт Молотова – Риббентропа для прикрытия секретного Протокола по разделу сфер влияния, тов. Сталин, казалось, достиг первого этапа своей цели: развязал Вторую мировую войну, столкнув фашистскую Германию с Англией и Францией в надежде на затяжную войну и основательное ослабление главных «империалистических держав» (выражение самого тов. Сталина).

Видимо, у кремлевского диктатора сдали нервы, и он поспешил накапливать на западной границе огромное число дивизий Красной армии, танков, самолетов и другой военной техники. Старший и средний командный состав Красной армии снабдили точными картами Восточной Пруссии, Польши и Германии, но не дали таких же карт Беларуси и Украины. Доты на линии Сталина были полностью разукомплектованы, и она не послужила ретирадой для отступающих остатков разбитой Красной армии. Неужели он всерьез рассчитывал, что это действие советской стороны останется без внимания немецкой военной разведки? А на западном фронте в это время (1940 г.) произошло нечто неожиданное. Вермахт в считанные недели разгромил французскую армию и английский экспедиционный корпус и вышел к берегам Ламанша. Потеряв всякую надежду покорить Англию, Гитлер приказал вермахту, согласно плану «Барбаросса», нанести упреждающий удар по скоплению в приграничном районе огромного числа советских войск. Сталин не ожидал такого

шага от своего недавнего союзника по разделу Польши. О том, как это происходило, мы хотим показать на примере нашего Бреста, в котором незадолго до описываемых событий состоялся дружеский парад советских и немецких войск.

Рассказ А. Л. Одинцова. Полковник Одинцов Анатолий Лукич – мой земляк. Мы часто обсуждали с ним известные нам (жителям Брестской области) события и факты начала войны, которые только фрагментарно и неточно описаны историками или изложены в мемуарах бывших военных. Анатолий Лукич, специалист-железнодорожник, в Бресте прожил в общей сложности 17 лет и собрал большой и, на наш взгляд, интересный фактический материал, с которым мы решили познакомить читателя: «В 1965 г., работая на станции Брест-Северный, я познакомился с нашей сотрудницей Надеждой Мосейчук, которая в июне 1941 г. молодой 18-летней девушкой работала стрелочницей на станции Брест-Западный. Управление стрелками в то время осуществлялось вручную до появления средств железнодорожной автоматики. Поэтому в горловинах станций, где сходятся железнодорожные пути, располагались стрелочные посты, имевшие телефонную связь с помещением дежурного по станции. На стрелочных постах дежурили круглосуточно по 12 часов, по два человека: старший стрелочник и стрелочник. Вот на одном таком стрелочном посту в ночь с 21 на 22 июня дежурила Надя Мосейчук. По ее рассказу, поезда шли непрерывно и за границу и из-за границы и в ту ночь. Последний поезд за границу был отправлен в 3 часа 02 минуты. Половина поезда состояла из цистерн, а половина – из крытых вагонов. В 3 часа 18 минут из-за границы прибыл поезд, состоящий из одних крытых вагонов. И как только паровоз остановился, двери всех вагонов распахнулись, и из вагонов посыпались немецкие солдаты и стали группами разбегаться во все стороны. Каждая группа имела свое задание. К стрелочному посту, где находилась Надя, прибежали четыре солдата, вооруженные винтовками, и приказали Наде и ее напарнику лечь на землю. Двое

стали часовыми возле поста, а двое бросились внутрь помещения поста к телефону, и тут же послышался телефонный разговор на немецком языке. Один из немцев побежал переводить стрелки. Вот так за очень короткое время были захвачены все пункты управления железнодорожными станциями узла, и из-за границы стали прибывать один за другим немецкие воинские поезда. Во втором поезде было несколько платформ, загруженных мотоциклами. И немцы стали быстро выгружать их на землю и разъезжаться в разные стороны по городу».

Крепость 25 мая 1940 года, немецкая аэрофотосъемка

Но не везде планы немцев были исполнены точно и в срок (см.: «Памяць. Брэст, 1997 г.»). Совсем по-другому разворачивались события на главном железнодорожном вокзале станции Брест-Центральный. Когда первые подразделения немецких солдат и офицеров на мотоциклах приблизились к вокзалу, по ним был открыт шквальный ружейный огонь. Среди немцев появились первые убитые и раненые. Так как в брестском гарнизоне дислоцировалось очень большое количество войск, то на вокзале всегда находились проезжающие военнослужащие. Так было и в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. А немцы после первой неудачной попытки приблизиться к вокзалу через 1,5 часа предприняли вторую. На этот раз на бронетранспортерах. Так как у красноармейцев гранат не было, им пришлось отступить в здание вокзала. Немцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь по вокзалу.

Нужно добавить, что в это время на вокзале скопилось около 2 000 человек – гражданских лиц, которые стремились уехать из Бреста. Среди них царила паника. Вокзал был окружен. Защитникам вокзала и гражданским лицам пришлось спускаться в подвалы. Под вокзалом до сих пор существует разветвленная сеть подвалов и подземных ходов. Защитники надеялись, что подоспеют регулярные войска и отбросят фашистов. Но этого не случилось.

Немцы подтянули громкоговорители и стали предлагать прекратить сопротивление, но в ответ гремели выстрелы. 24 июня из подвалов были выпущены все гражданские пассажиры. В подвалах остались военнослужащие. Любая попытка немцев проникнуть внутрь встречалась огнем. И тогда немцы решили затопить подвалы. Подогнали паровозы и начали накачивать в подвалы воду. На следующий день подогнали машины с нечистотами и стали заливать ими подвалы. Маленький гарнизон продолжал сражаться. Среди защитников вокзала был один железнодорожник, который вспомнил, что в кочегарке с Граевской стороны вокзала была дверь, ведущая в подвалы. Вот через эту кочегарку малыми группами стали выбираться защитники под покровом ночи.

Восточный форт? 1941 год, немецкая аэрофотосъемка

Необходимо отметить, что немецкая разведка работала очень хорошо. К началу войны у немцев были адреса в городе всех крупных военачальников, ответственных партийных и советских работников. Прошло всего 1 год и 9 месяцев с момента прихода Советов в сентябре 1939 г. И среди местного населения появилось много недовольных новыми советскими порядками, особенно действиями органов НКВД. И у немцев в свою очередь появилось достаточное число добровольных помощников среди жителей Бреста.

Очень многие руководители Брестского обкома, горкома, горисполкома погибли, не успев скрыться. Такая же участь постигла почти весь командный состав Брестского гарнизона и крепости, т. е генералов и старших офицеров, которые в ту воскресную ночь начала войны находились в своих городских квартирах. Многие из

них, услышав разрывы снарядов, поспешили в свои части, но были убиты на пороге своих квартир. Поэтому не удивительно, что на две дивизии, закрытые в Брестской крепости самым старшим в воинском звании, оказался только майор Гаврилов. Эту диверсионную роль по уничтожению советского командного состава как раз и выполняли те немцы, которые, по воспоминаниям стрелочницы Нади Мосейчук, «выскочив из вагонов немецкого поезда, стали группами разбегаться в разные стороны».

В 1994 г. за границей вышла книга воспоминаний известного гитлеровского диверсанта Отто Скорцени, обосновавшегося после войны в Испании. В начале войны его отряд действовал в районе Бреста. И в своих мемуарах он отмечает беспримерное мужество защитников Брестского вокзала и Брестской крепости.

Брестская крепость. Она оказалась в полосе наступления 45-й пехотной дивизии вермахта под командованием генерала Фрица Шниппера. В ее составе насчитывалось 17 тыс. человек. Слева и справа наступали 31-я и 34-я пехотные дивизии 12-го армейского корпуса 4-й армии. Генералу Шнипперу была поставлена задача: овладеть крепостью и городом Брестом к 12.00 часам 22.06.41 г. 45-я дивизия – это бывшая 4-я австрийская пехотная дивизия, которая вошла в состав вермахта после присоединения Австрии к Германии в 1938 г. И в ее составе были в основном австрийские солдаты. 45-й дивизии была придана артиллерия 31-й и 34-й соседних дивизий в качестве усиления.

Штурм крепости начался в 4 часа 15 минут с массированного артиллерийского огня. Каждые 4 минуты огонь переносился на 100 м вперед. Вслед шла пехота. И немцы очень быстро захватили Тереспольские укрепления. Отдельные специальные отряды захватили мосты: железнодорожный – севернее крепости и автодорожный – через реки Западный Буг и Мухавец.

Гарнизон крепости в тот час состоял из двух стрелковых дивизий (6 сд и 42 сд) и множества вспомогательных частей и подразде-

лений. Накануне войны на брестском полигоне, который находился южнее города, готовилось крупное общевойсковое учение. И поэтому больше половины личного состава были выведены на полигон. В крепости оставалось около 8 000 человек. Это были следующие части и подразделения: 84-й сп без 2-х батальонов, 125-й сп без 1 батальона и саперной роты, 335-й сп без 1 батальона и саперной роты, 44-й сп без 2-х батальонов, 455-й сп без 1 батальона и саперной роты, 131-й артполк, 98-й дивизион противотанковой обороны, 393-й зенитно-артиллерийский дивизион, 75-й разведбат, 37-й батальон связи, 31-й автобат, 158-й автобат, 132-й конвойный батальон НКВД, 9-я погранзастава, 3-я погранкомендатура 17-го погранотряда, сборы приписного состав 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии, военный госпиталь и военный оркестр.

Все эти многочисленные части и подразделения фактически оказались в западне. Для того чтобы вывести такое количество войск из крепости в мирное время потребовалось бы несколько дней. Те несколько крепостных ворот, которые существуют до сих пор, имеют ширину для прохода одной автомашины. И поэтому после нанесения первого артиллерийского удара из крепости успели выскочить очень немногие группы бойцов. В основном с Кобринского укрепления.

Артиллерийский удар по крепости наносили: 185 орудий, 189 минометов, в том числе 27 крупнокалиберных (210, 280 и 320 мм), две сверхмощные артиллерийские установки «Карл» калибра 600 мм, 9 батарей тяжелых минометов 4-го минометного полка особого назначения. В их состав входили 54 шестиствольных миномета «Небельверфер-41», которые стреляли реактивными снарядами калибра 150 мм. Это было первое применение реактивной артиллерии. Наши «Катюши» заговорили под Оршей только через месяц.

Массированный артиллерийский удар по сонной крепости оказался неожиданным для войск, расположенных внутри нее. Возникла паника. Накануне 22-го июня было объявлено выходным днем.

Большинство командиров жило в городе, за пределами крепости, и не смогло прибыть к месту службы. А многие лица старшего и высшего командного состава были убиты в своих городских квартирах специальными немецкими коммандос в ночь с 21 на 22 июня 41-го.

Необходимо отметить, что все укрепления крепости защищает 10-тиметровый земляной вал с кирпичными казематами внутри, а перед валом прорыты и заполнены водой широкие и глубокие канавы. Внешняя оборонительная линия крепости имеет протяженность 6,4 км. Поэтому сообщение с крепостью осуществлялось только через ворота с малой пропускной способностью.

Вслед за огневым артиллерийским шквалом шли, уверенные в легкой победе, штурмовые отряды 180-го и 135-го пехотных полков вермахта, усиленные саперными подразделениями и огнеметчиками 81-го саперного батальона. Они считали, что все уже обращено в прах и пепел. И, действительно, после артиллерийского удара штурмовики не встретили сопротивления со стороны Красной армии. Но через час оставшиеся в тылу наступающих немцев защитники стали приходить в себя и оказывать ожесточенное сопротивление.

Тереспольское укрепление немцы захватили быстро. Небольшое сопротивление оказали пограничные наряды и сонные дежурные подразделения (караул и суточные дежурные наряды). Штурмовые отряды 45-й пехотной дивизии стремились быстрее захватить центральный остров. На Тереспольском укреплении тогда дислоцировались: курсы шоферов-пограничников, транспортная рота 17-го погранотряда, бойцы кавалерийских курсов, саперный взвод, наряды 9-й погранзаставы, ветлазарет, сборы спортсменов. Всего около 300 человек. И вот воины этих подразделений после прохода первых штурмовых отрядов оказали ожесточенное сопротивление немцам, оставленным для зачистки острова. Бои продолжались 23 и 24 июня. Руководили обороной начальник курсов ст. лейтенант Мельников Ф. М., преподаватель лейтенант Жданов, командир транспортной роты ст. лейтенант Черный А. С. Они почти отброси-

ли немцев, но из-за недостатка боеприпасов оставшиеся в живых вынуждены были переправиться на центральный остров в ночь на 25 июня 1941 г.

На Волынском укреплении дислоцировались госпитали 4-й армии и 28-го стрелкового корпуса, 95-й медсанбат, часть полковой школы 84-го полка, наряды 9-й погранзаставы. Бои шли до 24 июня 1941 г. Заняли Волынское укрепление немцы к 12.00 часам 24 июня. Они зверски расправились с больными и ранеными. Затем собрали оставшихся в живых и погнали их впереди себя к Холмским воротам, прикрываясь ими, как живым щитом.

Первые штурмовые отряды немцев сразу после артиллерийского налета ворвались в Цитадель, прошли ее и вклинились на Кобринское (Северное) укрепление к 9.00 часам 22 июня 1941 г. Но к этому времени часть войск по тревоге сумела выйти из крепости, а оставшиеся оказали ожесточенное сопротивление и выбили немцев обратно на Цитадель. Одновременно пришедшие в себя красноармейцы выбили прорвавшихся немцев от Холмских и Тереспольских ворот. В центре Цитадели в здании клуба оказались окруженными около 70 немецких солдат из 1-го батальона 135-го полка. Немцы подогнали громкоговорители и начали оказывать на красноармейцев непрерывное психологическое давление. К вечеру 22 июня генерал Шниппер приказал отвести свои войска за пределы крепости и прекратить огонь, опасаясь поразить своих солдат. «Блицкриг» на этом небольшом участке фронта не удался.

Артиллерийский огонь возобновился в 5.00 часов 23 июня. Огонь корректировался с аэростатов немецкими корректировщиками, которые находились в корзинах, подвешенных к аэростатам. Серебристые сигарообразные аэростаты были подняты в воздух в 3 часа утра 22 июня накануне первого артиллерийского удара. Один – напротив южного военного городка и два – напротив крепости.

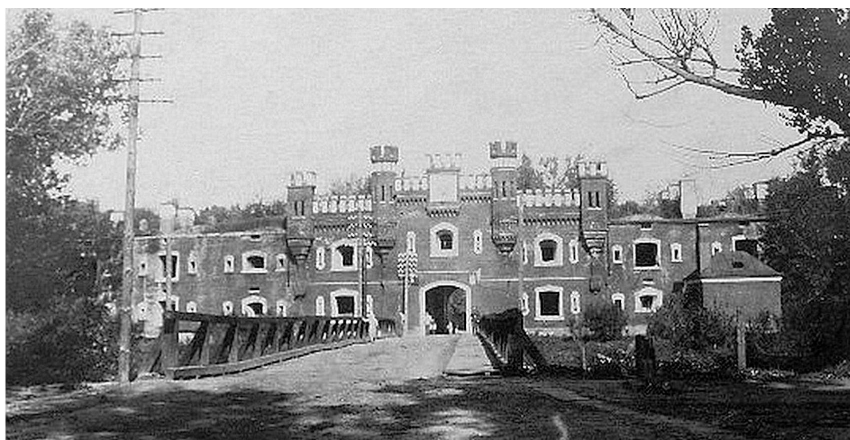
К вечеру 23 июня из крепости вышли и сдались около 2 000 человек. Это были в основном солдаты, призванные недавно из на-

селенных пунктов Брестской области, солдаты из среднеазиатских республик и гражданские лица. 24 июня сдались еще 1 250 человек. Пленных немцы сразу отправляли в лагеря в южном военном городке и возле города Бяла Подляска.

В крепости оставалось 3,5–4 тыс. человек. Они оказывали отчаянное сопротивление, отбивая по 8–9 атак в день. 26 и 27 июня производился непрерывный артиллерийский обстрел крепости, но желаемых результатов он не принес. И тогда генерал Шниппер обратился за помощью к авиации. 28 июня была нелетная погода, и бомбардировки начались утром 29 июня. Кроме обычных, немцы сбрасывали бомбы весом в 500 кг. А на восточный форт упала бомба весом в 1500 кг, от взрыва которой содрогнулся весь город Брест. После этого налета сдались еще 389 человек. В крепости оставались очаговые пункты сопротивления, которые продолжали воевать. Официально днем окончания обороны крепости считается 20 июля 1941 г. 45-я немецкая дивизия 3-го июля передала охрану и зачистку крепости тыловым частям. На 12 дней защитники Брестской крепости задержали наступление этой дивизии вермахта, которая насчитывала 17 000 солдат и офицеров. Ее потери в районе Бреста составили 723 человека убитыми и 669 человек ранеными (данные из немецких архивов). Только 22 июня 1941 г. немцы потеряли убитыми 21 офицера и 290 солдат.

25 августа 1941 г. в крепость прибыла высокопоставленная делегация. В ее состав входили Адольф Гитлер, Герман Геринг, Риббентроп, фельдмаршал Кессельринг, Бенито Муссолини и начальник генштаба Италии Удо Кабальери. Экскурсоводом выступал фельдмаршал Клюге.

До этого Гитлер захватил всю Европу, и нигде ему не было оказано подобного сопротивления. Это было начало великой трагедии немецкого и советского народов из-за авантюрных амбиций двух диктаторских режимов.

Крепость накануне штурма

Дополнение. На 22 июня 1941 г. штабом 4-й армии было запланировано проведение на полигоне показного учения. Поэтому на полигон был выведен ряд стрелковых и артиллерийских частей, дислоцировавшихся в крепости. На это учение привлекалось все командование армии. По плану учение должно было начинаться с артиллерийской стрельбы холостыми снарядами в 6.00. Но на полигон обрушился шквал немецких снарядов на два часа раньше. В полосе 4-й армии генерала А. А. Коробкова было шесть мостов через Западный Буг. Большая часть их не использовалась. Но эти мосты не снесли и даже не минировали, боясь проявить бестактность по отношению к немцам, с которыми был заключен договор о дружбе и границе. Эти мосты были захвачены вермахтом еще до начала артиллерийской подготовки, и по ним сразу же двинулась немецкая пехота. Захватив Южный военный городок, немцы использовали его для размещения в нем военнопленных, которых скопилось там в первые дни войны около 12 000 человек.

В самом городе Бресте, как мы уже отмечали, действовали немецкие диверсионные группы. Каждая из них имела свою определенную задачу по захвату зданий милиции, НКВД, исполкомов.

Немцы сразу захватили тюрьму и выпустили всех заключенных. Уголовники начали грабежи и погромы. Небольшое сопротивление оказали работники милиции и НКВД. Целый день немцы не могли захватить областной военкомат. Там сражались работники военкомата под командованием майора М. Я. Стафеева. Почти все они погибли. Вечером удалось вырваться единицам, в том числе райвоенкому С. Л. Ушерову, который уцелел и рассказал С. С. Смирнову о тех далеких событиях.

Причины трагедии. До последнего момента Сталин не верил, что Гитлер так скоро нападёт на СССР. Советскому руководству и командованию с весны 1941 г. по всем дипломатическим каналам и источникам военной разведки поступала информация о грядущей войне. Известное сталинское выражение – «Не паниковать! Не поддаваться на провокации!» – привело к тому, что войска не были своевременно приведены в боевую готовность, занимали невыгодное положение, и это не позволило отразить первые массированные удары врага, повлекло за собой огромные потери и привело к поражению Красной армии в первые часы и дни войны. Так, например, командующий 4-й армией генерал А. А. Коробков получил приказание о приведении армии в боевую готовность от командующего округом генерала армии Д. Г. Павлова открытым текстом по телеграфу только в 3 часа 30 минут по московскому времени 22 июня. А директиву Народного комиссара обороны № 1 штаб армии принял уже в то время, когда по всей границе загремела канонада. Одновременно с артподготовкой немецкая авиация осуществила массированный налет на аэродромы 10-й авиадивизии полковника Н. К. Белова. В результате этих налетов были уничтожены все самолеты штурмового авиаполка и 80 % самолетов истребительного полка на аэродроме близ деревни Засимовичи возле г. Пружаны. В 123-м истребительном полку возле Кобрина осталось 10 исправных самолетов. Бомбардировкам подверглись остальные военные городки, штабы и склады.

указания на тело

РАССЕКРЕЧЕНО

(СОВ)ЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(сня)тие копий воспрещается

Экз. № 1

Подлежит возврату через 48 часов.

~~41~~ 34

ШИФРОВКА № 1515, 1517, 1518

ПРИБОВО

Подана 19.6 21.00

Принята 19.6 21.40

(Пост)упила в ШО 19.6 22.15

Для отметок

476

ВОЕННОМУ СОВЕТУ 8, 11 А

КОМАНДИРАМ 10, 11, 16 СК

1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье так и основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности.

В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там он должен стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для пр-ка и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией – тоже по плану оборонительного строительства.

/продолж. на втором листе/

Расшифровал „___“ ___ 194__ г. ___ час. ___ мин.

ОТПЕЧАТАНО в „___“ экземплярах

№ 1 ___ Экз. № 3 ___

№ 2

Приказ Ставки о приведении войск в состояние повышенной боеготовности, полученный 19 июня 1941 года в 21.40.

длежит возвращению
через 48 часов

ифровальное отделение
штаба ЗапОВО

Акт вх. 402 от 8.5.2001 г.
рассекречено
Сигнальная часть

Совершенно секретно
РАССЕКРЕЧЕНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. №
Исх № 5203–5206
69

ШИФРОВКА №____

Поступила 22.6. 01.45
отправлено 22.6. 02.25
02.35

______ ПОДАНА ______ ПРИНЯТА ______

на расшифрование

Для резолюции:

Командующим 3, 4, 10 армий, передаю приказ Наркома Обороны для немедленного исполнения:

~~" Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО~~

[redacted]

1. В течение 22–23.6.41 возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.
2. Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.
   Одновременно войскам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО и ОдВО быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев, или их союзников.
3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а/ в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

б/ перед рассветом 22.6.41 рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать

в/ все части привести в боевую готовность без дополнительного под"ема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и об"ектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

ТИМОШЕНКО ЖУКОВ"

ПАВЛОВ/

КЛИМОВСКИХ/

Отпечатано
в одном экз.
Шифровал
22.6.41

Зашифровал „___" ______ 194 г. „___" час. „___" мин ______ (подпись)

Отп. в „___" экз.
№1—адресату
№2—в дело

Дежурный по шифротделению ______

Приказ командующего Западным военным округом генерала Павлова о приведении войск в состояние боеготовности, переданный в войска только 22 июня 1941 года, за два часа до начала войны

Вследствие неподготовленности войск к боям и потери управления в первые часы войны большая часть соединений и частей 4-й армии были разгромлены и к исходу дня 22 июня 1941 г. отброшены от границы на 30–40 км. Городом Брестом немцы овладели полностью к 12.00 первого дня войны. А в крепости бои продолжались до середины июля 1941 г.

Эпилог. Началом Второй мировой войны следует считать 1 сентября 1939 года, когда Гитлер, а следом за ним и Сталин напали на Польшу. Вермахт наступал стремительно. Уже 14 сентября 10-я танковая дивизия генерала Г. Гудериана захватила город Брест, но наступление на БК было отбито. С 14 по 17 сентября польский гарнизон крепости отчаянно оборонялся, неся большие потери. Было отбито 7 атак немецкой пехоты. Однако 17 сентября над крепостью был поднят немецкий флаг.

Примечание. По протоколу пакта Молотова – Риббентропа граница между СССР и Германией должна была пройти по реке Западный Буг. И в этом случае Тереспольское укрепление оказалось бы на немецкой стороне. Советский комендант БК принял отчаянное решение. Он приказал перегородить р. Западный Буг дамбой и пустить русло реки по обводному каналу, опоясывавшему Тереспольское укрепление. Это новое русло и было нанесено на карты при проведении работ по демаркации границы. И вся крепость оказалась на советской территории. Немцы на эту маленькую хитрость советской стороны смотрели сквозь пальцы и протеста не заявили. Над крепостью был поднят советский флаг.

Тему Брестской крепости довольно подробно осветил В. В. Бешанов в книге «Брестская крепость». Этот автор не забыл упомянуть и о героическом поступке польского гарнизона крепости в трагические для Польши дни сентября 1939 г. Силы были неравные, и два вооруженные до зубов агрессора в соответствии с секретным Протоколом по разделу сфер влияния произвели 4-й (исторический) раздел Польши. Вот как о польских защитниках Брестской крепо-

сти пишет автор: «После разрешения всех вопросов 22 сентября в 16.00 по улице Люблинской состоялся известный совместный парад «победителей». Но в крепости все еще находились польские защитники. Германские войска ушли на запад. В Брест из Ивацевичей перебазировался штаб 4-й советской армии.

Заслуживает внимания удивительная эпопея неукротимого капитана В. Радзишевского и солдат маршевого батальона 82-го полка. Ночью 17 сентября остатки батальона с одним орудием скрытно покинули позиции на Кобринском укреплении и вновь заняли оборону в форту Сикорского. В течение двух суток немцы занимались очисткой крепости и, считая, что форт пуст, не обратили на него внимания. 19 сентября появился мотоциклетный патруль с парламентариями, предложившими полякам сдаться в связи с бессмысленностью дальнейшего сопротивления. Это предложение не было принято. Германские солдаты блокировали форт, установили несколько гаубиц и с утра 20 сентября начали систематический обстрел укреплений. Однако артиллерийский огонь фугасными снарядами среднего калибра не мог причинить гарнизону особых потерь, а пехота противника не атаковала. Форт находился на хорошо просматриваемой и простреливаемой с высоких валов местности, и генерал Гудериан решил передать эту «занозу» русским.

Вечером 22 сентября после мощного артиллерийского налета в форт попытались ворваться два советских бронеавтомобиля. Первый из них поляки подожгли выстрелом из пушки, второй свалился в ров. Затем в атаку трижды поднималась советская пехота. Каждый раз она несла потери. 23 сентября после завершения парада «братья по оружию» были заняты приемо-сдачей города Бреста и крепости. 24 и 25 сентября вновь были предприняты советскими войсками попытки овладеть фортом Сикорского атаками с разных направлений. Наконец, 26 сентября была применена тяжелая артиллерия и проведен массированный штурм. Защитники форта в этот день понесли тяжелые потери, но снова удержали позиции. Вечером перед фортом

появились советские парламентеры, выразившие недоумение по поводу сопротивления польских солдат, ведь Красная армия пришла, чтобы помочь полякам, они должны сложить оружие и сдаться. На это В. Радзишевский ответил, что если русские не являются врагами, то должны оставить в покое польский форт. Однако все ресурсы обороняющихся поляков были исчерпаны. Ночью капитан собрал последних защитников, поблагодарил за службу и посоветовал всем способным передвигаться, пробираться домой. Сам он с небольшой группой дошел до деревни Мухавец. Здесь, в доме местной жительницы, они переоделись в гражданскую одежду, оставили документы и разошлись в разные стороны. Радзишевский направился в Брест, а затем в Кобрин, где должна находиться его семья. Он нашел жену и дочь, но вскоре по доносу был арестован, передан НКВД и снова оказался в Брестской крепости, на сей раз в «Бригидках», где содержались пленные польские офицеры.

Уходя из Бреста, немцы передали советскому командованию всех пленных солдат и офицеров. В их числе были защитники крепости и тяжело раненные, оставленные на Госпитальном острове. Пленных, отделив солдат от офицеров, содержали в городской тюрьме и крепостных казематах, используя на работах по расчистке завалов в Цитадели. После сортировки и проверки большинство рядовых, в первую очередь жителей Западной Беларуси и Западной Украины, было отпущено по домам. Офицеров, полицейских, жандармов и раненых, отделив медперсонал, в течение октября – ноября под конвоем доставляли на железнодорожную станцию, грузили в вагоны и вывозили на Смоленщину в Катынские лагеря, где почти все они сгинули. Среди них был и герой обороны Брестской крепости 1939 г. Вацлав Радзишевский». *(Поясним: пленных польских офицеров и подофицеров вывозили в разные лагеря. А в катынском лесу в апреле 1940 г. их расстреливали. Это было тягчайшее преступление руководителей Советского Союза, какого не знала до той поры вся мировая история).*

В данной книжке мы привели факты, которые до сих пор скрываются от широкой публики. Еще ранее о трагическом начале Отечественной войны в более широком плане сообщил доктор исторических наук Эммануил Иоффе в статье «Война: о чем не пишут в учебниках» («Независимая газета» от 27.05.1994). «Из-за беспечности наших железнодорожных органов немецкое командование сумело перебросить из-за Буга эшелон с закрытыми вагонами на станцию Брест-Западный. В них были вооруженные немецкие солдаты и офицеры, которые и заняли станцию, оказавшись в тылу наших пограничников и воинских частей крепости». Немцы сумели забросить в тыл наших войск многочисленные десанты, которые не только сеяли панику, но и нарушали проводную связь штаба Западного военного округа с армиями. «В те первые недели войны немало офицеров и генералов Красной армии пало от рук вражеских диверсантов», – пишет указанный автор.

Многие историки и военные специалисты задаются вопросом: почему в те грозные минуты и часы начала войны не были взорваны строго охраняемые мосты (железнодорожный и шоссейный) через реку Буг, и немцы быстро и оперативно стали перебрасывать воинские эшелоны и механизированные части на восток? Ответ может быть только один. Красная армия, накопив на западной границе огромные силы, сама готовилась нанести такой же упреждающий удар по вермахту. Но малость не успела. Немецкая военная разведка шастала повсеместно и внимательно следила за готовностью советских дивизий к такому удару. Известно из архивных документов, что согласно плану «Барбаросса» вторжение немецких войск на территорию СССР готовилось месяцем раньше. Но помешали события в Югославии, которые отвлекли несколько дивизий вермахта для проведения пацификации.

Вот и В. В. Бешанов пишет, что «советско-германский пакт, подписанный 23 августа 1939 г., открыл шлюзы Второй мировой войны. Раздувание военного конфликта в Европе было на руку Совет-

скому Союзу». Товарищ Сталин тогда заявил: «Мы не прочь, чтобы они (западные страны) хорошенько подрались и ослабили друг друга. С другой стороны, что плохого, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население». Но, посеяв ветер, пришлось Советскому Союзу пожинать бурю. Молниеносный разгром Красной армии и паническое бегство ее остатков из-под Бреста, которое довелось наблюдать мне лично, лишь подтверждает справедливость данного изречения. Такова была плата за преступный пакт Молотова – Риббентропа и агрессию против Польши, Финляндии, Румынии и стран Прибалтики.

О советской агрессии против Финляндии стоит сказать отдельно. Если Румыния и страны Прибалтики не оказали надлежащего сопротивления вступившим на их территорию частям Красной армии, то небольшая финская армия нанесла по агрессору удар такой силы, от которого он пришел в замешательство. На одном из заседаний Политбюро тов. Сталин, удивленный и озадаченный упорным сопротивлением финской армии и большими потерями своих войск, в упор спросил Ворошилова: «Почему Красная армия так долго топчется на Карельском перешейке?» И тогда Ворошилов впервые смело ответил: «А с кем воевать-то? Лучшие командиры Красной армии сидят в лагерях». За эти слова он лишился поста военного комиссара. Вместо него был назначен маршал Тимошенко. Известный военный корреспондент и писатель Константин Симонов назвал ту войну «большим срамом». И в самом деле, это был безрассудный поступок Сталина. Немецкие офицеры, находившиеся при штабе финской армии, воочию убедились в плохой маневренности советской армии и в других ее недостатках, что позволило им откорректировать в дальнейшем план «Барбаросса». И второй, не менее важный факт, на который обращают внимание западные историки. У Англии была договоренность с Норвегией о временном размещении в северной ее части английского экспедиционного корпуса.

Советская агрессия против Финляндии помогла Гитлеру упредить англичан и оккупировать Норвегию, что позволило немецкому подводному флоту контролировать Северное море и наносить потом ощутимые удары по английским торговым судам, доставлявшим грузы в Мурманск.

Героизация Брестской крепости. Многие российские историки употребляют обобщающий термин, что, дескать, ее защитники сковали продвижение вермахта на целый месяц. Не умаляя мужественного поступка этих защитников и их печальной участи, укажем на достоверные факты: лишь на 12 дней была задержана всего лишь одна дивизия вермахта. Чтобы более подробно осветить эту тему, для начала зададимся вопросом: почему 27 декабря 1947 г. Верховный Совет СССР отменил празднование Дня Победы? А о героизации БК в те ранние послевоенные годы не могло быть и речи. Советская пресса этот вопрос также не поднимала. Но что послужило основанием для отмены празднования Дня Победы? Можно предположить два варианта ответа:

1. Товарищ Сталин, подобно другим руководителям стран западной культуры, не считал нужным такое празднование. Возможно, он знал, что в то время еще многие ветераны, особенно инвалиды, влачили жалкое существование. Площади многих тогдашних городов заполняли нищие ветераны-инвалиды, прося молча подаяние. В 1949 г., приехав на учебу в Минский мединститут, я видел на улицах города безногих ветеранов-инвалидов на деревянных низких самодельных колясках, предлагавших прохожим почистить за копейки сапоги или ботинки. Естественно, мало кто тогда оставался безучастным к этим несчастным защитникам Родины. *(И теперь, на склоне лет, вспоминая ту грустную картину, я благодарю Господа за то, что, хотя будучи тяжело раненным в грудь, я не потерял ногу. Ведь о протезировании в те годы не могло быть и речи).*

Но вернемся снова к вопросу празднования Дня Победы. Живя одно время в Америке (1977 г.), я спрашивал у местных ветеранов:

почему их страна не празднует и никак не отмечает победу над Германией и над Японией (последняя причинила им немало потерь)? Меня удивил ответ одного из них: «Мы не можем уподобляться дикарям, которые, потеряв в бою половину своих воинов, пляшут у победного костра. Война в одинаковой мере приносит несчастье и победителям, и побежденным». Другие ветераны также считали, что их страна поступает правильно, не оскорбляя чувства побежденных народов. Вот такие разные взгляды.

2. Сталин не был представителем западной культуры. И к ветеранам-инвалидам у него особой человеческой жалости не было. Следовательно, мотивация его поступка об отмене празднования Дня Победы была иная. Но какая? Можно предположить, что хотя в сфере его влияния после войны оказались страны Восточной Европы, но его главная мечта о мировой революции провалилась окончательно. С главными капиталистическими странами, которых он собирался похоронить, ему пришлось вступить в антигитлеровскую коалицию и унизительно просить помощи. Вспомним факт. Когда немцы в 1941 г. подошли вплотную к Москве, Сталин запросил у Черчилля 25 дивизий британских войск, переправленных через Мурманск или Иран и Среднюю Азию. У британского премьера было много нареканий, связанных с недостойными (скорее, неразумными) поступками советских вождей. Это и снабжение немцев стратегическими товарами в обход британской блокады берегов Германии, и поздравительные телеграммы Гитлеру по случаю разгрома британского экспедиционного корпуса, и отказ того же Сталина создать весной 1941 г. совместный балканский фронт до того, как немцы успели оккупировать Грецию и Югославию, и ряд других ошибок советской стороны. Но Черчилль тогда ответил, что из пленных поляков (более 200 тыс. человек) «Вы, г. Сталин, сможете сформировать гораздо больше дивизий». Как известно, из указанных пленных на территории Советского Союза тогда и было сформировано две армии под командованием генералов Зигмунда

Берлинга и Владислава Андерса. В эти армии, спасаясь от голодной смерти в советских лагерях, записалось много западных белорусов и западных украинцев, которых, как бывших граждан Польши, охотно принимали, несмотря на жесткое сопротивление органов НКВД. Достаточно сказать, что дивизии «Зубры» и «Карпатские стрелки» были сформированы преимущественно из западных белорусов и украинцев. А в целом, каждый третий солдат армии В. Андерса не был этническим поляком. Такое же положение было и в армии З. Берлинга. В качестве примера приведу воспоминания Якуба Конана, записанные в литературной обработке Юрием Грибовским: «Родился в 1913 г. в деревне Михалово Молодеченского уезда. В 1936–37 гг. прошел военную службу в польской армии. В начале войны 1 сентября вновь был призван в польскую армию. Отступая под натиском противника, оказался во Львове. Первые встретившие нас советские солдаты сказали: "Идите домой копать картошку". И мы, группа белорусов, поездом двинулись домой. На станции Здолбуново 22 сентября нас окружили советские солдаты и погрузили в вагоны. На наш вопрос, куда нас повезут, комиссары, зная, что мы белорусы, ответили, что в Вильно. Каждый из нас был рад, надеясь на скорую встречу с родными.

Каково же было наше разочарование, когда выяснилось, что вместо Вильно нас под строгим конвоем везут на восток. Так мы оказались в большом лагере для военнопленных в г. Шепетовка (Украина), в котором пробыли 7 дней. За это время только трижды я получил скудную еду. Пленным даже не дали посуды для еды. Возле мусорной ямы нашел пустую консервную банку и ею пользовался. Голод царил страшный. Спустя некоторое время началась сортировка и прозвучала команда: "Офицеры и полицейские – выйти из строя! Будете направлены в лагеря с лучшими условиями". Как выяснилось после войны, эти офицеры кончили свой путь в Катыни. Конвой и охрана лагеря относились к нам враждебно. Но какие же мы военнопленные, если не сделали ни единого выстрела

в сторону Красной армии? С этим понятием не могу согласиться до сих пор.

Наши лагерные мытарства продолжались. Домой не отпускали. И 8 октября увезли в Криворожский лагерь, где заставили работать на шахтах. 10 июня 1940 г. нас перевезли в лагерь, недалеко от Котласа, и использовали как рабов на лесоповале. Жили в холодных бараках в страшных условиях. Спали на нарах, но при сорокаградусном морозе уснуть было невозможно. Сами стали утеплять барак и из железной бочки соорудили печь. Помимо холода нас донимал голод: 300 г некачественного хлеба и два раза – утром и вечером – пустой суп. Работали по 12 часов без выходных. Заготовить 12 куб. м леса на двоих было невозможно, и нам уменьшали порцию хлеба.

В этих трудных условиях пленные поляки, белорусы, украинцы и евреи сохраняли дружбу и поддерживали друг друга, чем могли. Губил нас изнурительный труд, голод, холод и полная антисанитария (вшей можно было соскребать ладонью), поэтому после Котласа многих мы не досчитались. Избавление от этого ада принесла война между Германией и Советским Союзом. Сначала о войне мы ничего не знали. В лагере не было ни радио, ни газет. Эту весть мы получили от соседей – советских политзаключенных. В лагере воцарилось приподнятое настроение и надежда, что Гитлер скоро победит Сталина и принесет нам избавление.

Однажды в августе 1941 г. наступил удивительный день. Никто не гнал нас на работу. В полдень охрана погнала нас на железнодорожную станцию. Перед погрузкой в вагоны у всех отобрали фуфайки, приказали раздеться и тщательно обыскали нашу рваную одежду. Из Котласа завезли в лагерь в г. Вязники Владимирской области. Вскоре в этот лагерь прибыли два генерала – польский и советский. Польским генералом оказался Берута-Спехович, командир 5-й дивизии. Советский генерал стал уговаривать нас вступить в советскую армию. После всего пережитого никто из нас не пожелал записаться в Красную армию. Мне лично совесть не позволяла защищать режим,

причинивший всем нам столько горя. Уже 15 сентября я был зачислен в состав 5-го полка легкой артиллерии 5-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась в местечке Татищево Саратовской области. Всем нам выдали по 500 рублей пособия. На полигоне проводились занятия по стрельбе, и нас готовили к отправке на фронт. Затем нас перевезли в Среднюю Азию в г. Джелалабад. Здесь царил страшный голод среди ссыльных поляков и большая смертность. Там я встретил своего земляка из деревни Рудовщина Мацикяна, который также голодал. Я носил ему часть своего пайка, и он старался поцеловать мне руки. Но, к сожалению, он также умер.

Летом 1942 г. мы получили приказ сдать оружие. Все знали, что готовится эвакуация в Иран. Солдаты позаботились о детях, родители которых умерли в ссылке от голода и болезней. Мы их забрали с собой. При посадке на пароход "Жданов" солдаты на трапе выстроились цепочкой и передавали на руках детей. У каждого дитяти на руке была закреплена тонкой проволочкой посудина для еды. Если нечаянно эта посудина отрывалась и падала в воду, то дитя плакало и кричало: "С чего я теперь буду кушать?!" Из Ирана этих детей увезли в Индию. После войны, уже в Англии, я встретил некоторых из них. За это время они были досмотрены британскими властями и получили хорошее образование. Без сомнения, в голодном Советском Союзе участь этих детей была бы печальной. Пережив столько горя, мы с радостью покидали СССР, где каждого из нас ждала смерть от голода и издевательств».

Эти воспоминания Якуба Конана нельзя читать без содрогания. Я сам до сих пор не могу понять и хочу, чтобы на этот факт обратил внимание читатель: почему советские военные комиссары так беззастенчиво лгали, что везут военнопленных белорусов домой, а повезли на восток и подвергли жесточайшей эксплуатации? Из воспоминаний Я. Конана читатель может сделать вывод, что Сталин не собирался в какое-то ближайшее время освободить из плена бывших солдат польской армии, включая западных белорусов и украин-

цев. Они постепенно умирали в советском ГУЛАГе от изнурительного труда, холода и голода, превращаясь в «лагерную пыль», по циничному выражению Лаврентия Берии. И как ни парадоксально это звучит, от неминуемой гибели этих страдальцев спасло нападение Германии и ошеломляющий разгром в 1941 г. вермахтом Красной армии. На помощь этой армии понадобилось и их участие.

Наша справка. Не всем желающим полякам, белорусам, украинцам и польским евреям удалось попасть в армию генерала Андерса. Примерно такое же количество польских военнопленных и других граждан оказались в другой польской армии под командованием генерала З. Берлинга, которая вошла в состав советских войск. Уже весь мир знал о совершенном советами злодеянии – расстреле в апреле 1940 г. 25 тысяч польских офицеров и других чинов. Чтобы замести следы своего преступления, по приказу Сталина устроили показательный фарс. Бедных солдат и офицеров армии Берлинга – недавних узников советских тюрем и концлагерей – заставили принимать воинскую присягу в катынском лесу над могилами своих земляков. При этом они должны были подчеркнуто произносить слова клятвы, что будут мстить немцам за «убийство своих братьев по оружию – офицеров и унтер-офицеров». Из-за расстрела почти всех польских офицеров возникли проблемы при формировании указанных армий. Поэтому в польской армии З. Берлинга часть командных должностей занимали советские офицеры. А к «чужакам» доверия польских солдат не было.

Юрий Грибовский в книге «Беларусы ў бітве на Монтэ-Касіна» (2004) пишет: «Белорусская историография длительное время придерживалась мнения, что белорусы во время Второй мировой войны воевали только в партизанских отрядах или в составе советских войск». По идеологическим соображениям, лживая советская пропаганда замалчивала факт широкого участия белорусов в борьбе с немецким оккупантом в составе британских войск.

Но вернемся к теме героизации. Н. С. Хрущев также не считал нужным празднование Дня Победы, ибо не понаслышке знал, что за каждого погибшего немца мы теряли, как минимум, восемь убитых красноармейцев. И только с приходом к власти Л. И. Брежнева, через 20 лет после окончания войны, под разными предлогами началась повальная псевдогероизация.

Героизация Брестской крепости понадобилась агитпропу для того, чтобы как-то заретушировать очевидные просчеты советского командования и лично товарища Сталина, проигнорировавших не только донесения собственной разведки (ГРУ), но и предупреждения У. Черчилля о конкретной дате нападения Германии на СССР. Мои неоднократные беседы на эту тему со своими земляками-старожилами Бреста дают основание сомневаться в значимости ее обороны. Вот и Александр Татаренко в своей книге «Недозволенная память» пишет: «Оборону крепости западные историки признают пассивной, так как по железной дороге со стороны Варшавы с первого дня войны курсировали поезда до Бреста с воинским снаряжением, а колея на большом протяжении проходила недалеко от укрепленной крепости, во всяком случае, в зоне досягаемости пулеметного и орудийного огня. Однако сообщение осуществлялось без каких-либо помех со стороны защитников крепости. Немцы не вводили значительные силы, ограничиваясь лишь блокированием окруженных в крепости ее защитников и многочисленными бомбардировками. В начале боевых действий, с согласия немецкой стороны, крепость покинуло гражданское население – семьи командного состава, а затем сдались отдельные очаги сопротивления».

Таковыми являются правда и мифы о прошедшей войне и Брестской крепости.

Научно-популярное издание

Данилов Иван Петрович

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ. ПРАВДА И МИФЫ

Подписано в печать 16.10.2019. Формат 60 х 84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,45. Уч. изд. л. 2,5.
Тираж 50 экз.